

Н. Г. Легат

СТИХИ ИЗ АРХИВА ЛОНДОНСКОЙ
КОРОЛЕВСКОЙ ШКОЛЫ БАЛЕТА
(THE ROYAL BALLET SCHOOL COLLECTION,
WHITE LODGE MUSEUM)

Приводимая ниже подборка стихотворений Н. Г. Легата — из коллекции, переданной Мими Легат в архив музея Королевской школы балета, находящейся в пригороде Лондона — Ричмонде (The Royal Ballet School Collection, White Lodge Museum).

Подобно графическим шаржам, детально иллюстрирующим лондонский быт на страницах его писем, стихотворные зарисовки Легата, набросанные на использованных конвертах, бланках под «шапкой» одной из его лондонских студий и на выдавших виды листках, выполнены в стиле иронической лирики и пародии (некоторые из своих рифмованных набросков он даже шутливо подписывал: «А. Пушкин») и повествуют о буднях стареющего педагога и гастрольной жизни странствующей жены-танцовщицы.

Здесь же в юмористической стихотворной форме запечатлены портреты-воспоминания о петербургской юности танцовщика, возможно, относящиеся к той самой поэме, сочиняемой им в последние месяцы жизни, подробным образом включенной Д. Грегори в книгу «Сага о Легате». (В коллекции Мими Легат не оказалось приводимых Грегори строк, но зато обнаружились другие). Исключение составляют немногие стихотворения и отрывки, которые можно назвать ностальгической лирикой, когда он пишет о приходе английской зимы, тоскуя по русскому снегу, или о своем одиночестве во время часто отсутствующей в гастрольных разъездах Н. Николаевой-Легат.

Стихотворения обнаружены в папке бумаг и писем, принадлежавших Н. Николаевой, и относятся к 1923–1936 гг., периоду пребывания Легатов в Париже и Лондоне. Они дают представление о некоторых особенностях парижской и лондонской жизни Легата в условиях эмиграции и приоткрывают еще одну грань Ренессансного таланта великого танцовщика и педагога — своеобразного таланта стихотворца.

Публикация производится с разрешения куратора «White Lodge Museum» Анны Мидмор (Anna Meadmore).

Ю. В. Уколова

Метаморфоза, 1923 и 24

Лондон

Утром, в 9, ты, Надина
Всем готовишь, как кухарка,
В час Ты Прима балерина,
Пляшешь так, что небу жарко!
Ты на новости все падка,
В 3 часа, увы и ах!
Ты уж стала акробатка
И танцуешь на руках!
В 5 часов ты дама света,
В модном лондонском Салоне
Как летящая комета
Быстро чай пьешь, на балконе.
В 8 вечера — Философ,
Средь английских баб пустых
Разбираешь ряд вопросов,
Глубоко вникая в них.
В 10, делаешься прачка,
И легонько напевая,
Как завязтая босячка,
Улыбаешься, стирая!
К часу ночи, спать ложишься
И свернувшись крендельком,
На крылах Морфея мчишься,
Позабыв о всем земном...
О изменчивая Фея,
Хоть ты с мужем рядом спишь,
Но в объятиях Морфея
Против мужа Ты грешишь!!

* * *

В Париже жизнь теперь паршиво,
Работы много — денег нет!
Здесь, как-то, все кругом фальшиво,
Дома и люди и балет...

Встаю я рано и умывшись
Спешу уроки танцев дать,
Бывает даже не побрившись
Бегу, что б мне не опоздать!

Лишь кончен класс — покушать надо,
Что Бог послал, то и глотай;
Ем жадно, словно бы из стада,
Все в попыхах! Не унывай!

Жена моя, звезда — балета,
Все гастролирует, танцует
С партнером. Ездила все лето
С ним вместе, и его балует!

Велик он ростом и силен,
Одной рукой ее бросает,
Но танцевать не может он
Он не танцует — ковыляет.

Немножко флирта и улыбок,
Партнер растаял и погиб;
У юноши характер гибок
Совсем влюбился и прилип!

В Голландии плясали лихо,
Потом на Лондон завернули
Затем в Алжир катнули тихо,
А там в Испанию махнули.

Четвертый месяц все порхают
Танцуют деньги загребают,
Костюмы шьют все вместе оба,
Как будто связаны до гроба.

Конечно, письма очень милы,
Мне пишет женушка моя
Любовь в них, просто нету силы!
Читай их трепет затая!

Везде успех, везде победа,
У публики да и у прессы
Танцуют так, что до обеда
Им дела нет — одни компрессы!

Все кажется, скажу по чести,
Прекрасно, но беда видна
Что балерина хоть и вместе
С партнером пляшет — все ж одна!

Другого нет пока танцора,
Что ж делать, нужно танцевать,
Зато удобнее партнера
Для ста капризов не сыскать!

Все чемоданы он уложит,
Наймет мотор, в багаж все сдаст,
Он даже щи готовить может
Он ласков очень и мордаст...

* * *

И солнца жгучий луч,
Не в силах выжечь мою
Любовь из сердца, к Тебе
не ветер-ураган не вы-
дует из сердца моего Тебя!
Не грозный грома грохот, не
заглушит мелодии любви
к Тебе, лишь голос Твой и
взгляд очей Твоих заставить
могут остыть любви моей к Тебе.

* * *

Пришла и осень, холодно!
Опять дожди, опять туманы...
О, как не видел я давно
Далекой родины поляны.
Леса, селенья, города:
Где так я счастлив был тогда
Где был любим и сам любил!
Где молод был, беспечно жил.
Давно скитаюсь я по свету
Давно по родине скучаю.
Теперь скажу вам по секрету,
Я женщин к черту посылаю!

* * *

Вот, наконец, пришла Зима,
Здесь в Англии она противна,
В тумане скрыты все дома;
А наша, русская как дивна!

Когда мороз кругом белой
В снегу, так чудно, весело;
На санках едут по столице,
И от мороза красны лица,
Пар от коней так и клубится
Мороз по коже в пояснице.

1936

* * *

(Отрывок-Ю.У.)

К нам на гастроли, из Берлина,
Приехала мадам Дельера,
Большого роста балерина,
Вроде солдата, гренадера.
Вся наша братья, кавалеры,
Не подходили для Дельеры;
Как Петипа тогда сердился;
Один лишь Облаков гордился.
В «Щелкунчике» страдал он с нею,
(Я до сих пор его жалею.)
Он был как москья у слона,
Так велика была она!
Недолго длились те гастроли,
Пришлось расстаться поневоле.
Когда мы с нею распростились,
Все, от души, перекрестились.

Вот итальянец Ди-Сеньи,
Наш режиссер балетной труппы,
Его мы звали: «две свиньи».
(Мальчишки злые, были глупы).
Он был крикун и забияка,
Глаза торчали, как у рака,
Лицо краснело у него,
Но не боялись мы его.

Жена его в кордебалете,
На нашей сцене, танцевала,
И с Ди-Сеньи всегда в карете,
После спектакля уезжала.

Не долго был он режиссером,
Ушел, и где-то правит хором;
А с ним ушли жена и дочка,
Ну, про него довольно — точка.

Явился режиссер Лангаммер,
И от восторга, дух мой замер,
Он был добряк и чудный малый,
А вид имел всегда усталый.
Я вспоминаю «Дочь Микадо»,
Лангаммера, балет создание,
А сердце бьется, сердце радо,
От этого воспоминанья...

С Сережей, оба в том балете,
Японцами гримировались,
И были веселы, как дети,
И танцевали, и смеялись...

Но к сожалению, как на грех,
Балет тот не имел успех;
Его с репертуара сняли,
И никогда уж не давали.

Женившись на американке,
Тут не в свои попал он санки,
Жена его не понимала,
Из дома часто удирала;

Сказать вам надо, мой старик
Был лысый и носил парик;
Когда с ним ссорилась жена,
Парик тот прятала она,

И бедный, мой старик, Лангаммер,
Не выходил тогда из камер,
Сидел с поникшей головою,
И гладил лысину рукою...

Она с ним скоро разошлась,
Не знаю, кем-то увлеклась;
А он в отставку скоро вышел,
И долго я о нем не слышал.

Теперь его уж нет в живых.
На этом я кончаю стих.